

НАМ НУЖНО ОБРЕСТИ КУЛЬТУРУ ДИАЛОГА⁹

Интервью президента Научно-методического центра медиации и права, редактора журнала «Медиация и право. Посредничество и примирение» Цисаны Автандиловна Шамликашвили с советником Президента, Председателем Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, сопредседателем Ассоциации юристов России Вениамином Федоровичем Яковлевым.

— Вениамин Федорович, спасибо большое за то, что вы согласились дать развернутое интервью нашему журналу. Это очень важно для нас, потому что вы всегда делали очень много для развития медиации и примирительных процедур в нашей стране. Но сегодня нам бы хотелось услышать ответы не только на вопросы, напрямую связанные с медиацией, но и узнать ваше мнение о нынешнем состоянии правовой и судебной системы, о состоянии всего российского общества в целом. Ведь медиация, безусловно, связана и с судебными тяжбами, и с мировоззрением наших сограждан. Поэтому позвольте начать с самого важного, как нам кажется, вопроса.

Как вы полагаете, за последние полгода, начиная с выборов в Государственную Думу, когда острые политические споры и протестные настроения выплеснулись на улицы наших городов (то есть возникла ситуация, которую всего несколько лет назад трудно было даже представить), мы сделали шаг в сторону правового государства – или прочь от него? Приблизились к гражданскому обществу или оказались перед угрозой раскола в умах людей?

— Давайте не будем забывать о том, что само по себе гражданское общество — это демократия плюс правовое государство. Да, несомненно, события последнего времени сдвинули нас в какую-то сторону. И я думаю, что все-таки это движение — в сторону гражданского общества. Более того, я в этом уверен. Потому что когда нет инициативы, когда в общественной жизни все тихо (и даже мертво), о гражданском обществе говорить просто не приходится. Гражданское общество должно быть активным. И события последнего времени свидетельствуют о том, что общество активизируется, дает о себе знать. Но — и это очень важное «но» — все это должно происходить в рамках правового пространства. Без сомнения, у общества должна быть возможность выражать свое мнение, свои желания и чаяния. Но это должно происходить в надлежащей правовой форме, потому что «не-надлежа-

---

⁹ Медиация и право. Посредничество и примирение. 2012. № 2 (24). — С. 14-21.

щая» правовая форма (или отсутствие правовой формы) в общественном волеизъявлении — это революция. Да, революция — максимально выраженная форма общественной активности, но она разрушительна и для государства, и для самого общества. Я полагаю, что свой исторический лимит на революции мы давно уже исчерпали. Нам надо входить в эволюционный этап развития и дорожить этим состоянием.

Но нужно признать: все, что происходило за последние полгода, в общем и целом происходило в правовых рамках (то есть каких-то запредельных нарушений закона и порядка, слава Богу, не было). И потому я уверен, что это движение все-таки ведет нас в сторону гражданского общества. Это безусловный знак, указывающий на то, что наше гражданское общество формируется, осознает себя и при этом старается оставаться в правовых рамках. Поэтому я оцениваю это движение позитивно.

— Ну а как, на ваш взгляд, во время всплеска митинговой активности проявила себя судебная система? Ведь большинство людей, задержанных на митингах, судили (пусть лишь за административные нарушения), и, говорят, часто эти суды выглядели как конвейер с запрограммированным результатом: то есть судьи совершенно не вникали в суть дела...

— Но вообще-то правосудие и есть конвейер с запрограммированным результатом. Это конвейер еще и потому, что суд рассматривает непрерывно поступающие дела, поток дел. Такое сравнение вполне уместно и, более того, так и должно быть. А запрограммированный результат — это тоже нормально, поскольку решение суда всегда должно выноситься в соответствии с законом. То есть закон и есть та программа, которой подчинена деятельность суда. А вот то, что судьи вообще не вникали в суть дела, — это, конечно, противоречит началам правосудия, потому что судебный акт должен быть обоснован и законом, и соответствующими обстоятельствами дела. Так что, если судьи поступали подобным образом, это, безусловно, плохо. Но, впрочем, я не уверен, что такие факты действительно имели место быть. Возможно, все разговоры о подобных случаях вообще не имеют под собой достаточных оснований.

Так или иначе, если уж мы заговорили о «конвейере правосудия», надо отметить еще одно важное обстоятельство: наши суды и без того находятся в довольно сложном положении, потому что они перегружены количеством дел. Судья не может регулировать эту нагрузку, он просто вынужден успевать рассматривать все эти дела. Потому каждому он уделяет меньше времени, чем того хотелось бы. Нам просто нужно оптимизировать нагрузку судов, чтобы «конвейер» заработал в нормальном режиме.

— А как вы считаете, насколько значимой может быть сегодня роль юридического сообщества в консолидации общества?

— Коль скоро мы говорим о правовом государстве, роль юристов нельзя недооценивать. Именно они как профессионалы должны формировать правовое го-

сударство, обеспечивать жизнь граждан в соответствии с законом и правом. Да, разумеется, без юристов здесь просто не обойтись. Но эта важнейшая работа возлагает на них и огромную ответственность. И очень важно, чтобы юридическое общество состояло из профессионалов, осознающих эту ответственность, понимающих цель своей работы. Ведь чему должен в первую очередь служить юрист? Он должен служить справедливости, поскольку право — это средство установления справедливости в обществе. А что такое справедливость? Это — баланс интересов. Ведь и социальные слои, и отдельные люди постоянно выражают свои интересы, причем нередко эти интересы различны и даже противоположны. Возьмем, например, отношения, в которые все мы вступаем каждый день, — отношения купли-продажи. Здесь всегда есть продавец, который хотел бы получить побольше денег, и покупатель, желающий заплатить поменьше. Есть продавец, желающий представить свой товар как высококачественный, и потребитель, который хочет, чтобы качество товара соответствовало его ожиданиям. Интересы прямо противоположны, их столкновение кажется неизбежным. Но без купли-продажи мы обойтись не можем, и потому нам нужно соответствующее правовое регулирование, позволяющее достичь баланса интересов. То есть нужно сделать так, чтобы и интерес продавца, и интерес покупателя были реализованы: продавец бы получал свою долю прибыли, а покупатель — качественный товар. Роль права как раз и состоит в том, чтобы обеспечить в отношениях между продавцом и покупателем начала справедливости. Точно так же и вся наша жизнь состоит из отношений, через которые мы реализуем наши интересы. И право должно обеспечивать как справедливость в каждом отдельном случае отношений между людьми, так и социальную справедливость в рамках всего общества.

Так что, как видите, право играет важнейшую роль в жизни общества, и осуществляют эти функции люди, которых мы называем юристами. Их роль всегда велика.

— В течение последних трех лет вы принимали активнейшее участие в работе над Проектом изменений к Гражданскому кодексу РФ (который, в сущности, является вашим детищем), и, насколько мне известно, совсем недавно было принято решение о внесении Проекта изменений в ГК на рассмотрение Государственной Думы. Работа над этим документом была непростой, она сопровождалась дискуссиями и серьезной полемикой.

Хочу вас поздравить с ее окончанием, но и спросить: не пришлось ли вам в итоге пойти на какие-либо важные компромиссы с вашими оппонентами? Не будут ли в итоге утрачены важные позиции для развития нашей правовой системы?

— Да, речь идет именно о поправках к действующему Кодексу, а не о проекте нового Гражданского кодекса, и это очень важно подчеркнуть, потому что сейчас есть много желающих изменить весь Кодекс в целом, вернее, «стряхнуть с себя» действующий Кодекс. На самом деле, Гражданский кодекс РФ очень удачен, это признают и наши зарубежные коллеги. Специалисты относят его к числу лучших

кодексов Европы. Его ни в коем случае нельзя потерять. Из этого мы и исходили, стараясь сохранить в Кодексе все то, что себя оправдало в ходе его 15-летнего применения. Мы очень бережно отнеслись к нему и постарались ничего лишнего не трогать. Но, тем не менее, Кодекс должен быть улучшен и в некоторых деталях, и в некоторых крупных положениях. Например, среди принципов Гражданского кодекса (то есть основных требований к участникам отношений, регулируемых гражданским правом) — таких как принцип равенства, принцип защиты и неприкосновенности права собственности, принцип свободы договора, — так вот, среди этих очень хороших принципов неожиданно не оказалось принципа добросовестности поведения сторон. Теперь этот принцип включен в проект поправок. И таких примеров можно привести еще очень много. Кроме того, обновленный Кодекс должен сделать огромный шаг вперед в развитии так называемых вещных прав. До сих пор мы в основном регулировали отношения собственности. Но ведь есть и другие вещные права, например, вещное право на чужое имущество с согласия собственника. И таких прав — очень много. Вот почему круг вещных прав резко расширяется по сравнению с действующим Кодексом — и это хорошо. Также в Проекте содержатся положения, направленные на стабилизацию договорной основы отношений. У нас ведь к договорам относятся слишком легко: заключают их, а потом в судебном порядке добиваются признания их недействительными. Это плохо, поскольку из-за этого экономический оборот становится нестабильным, неэффективным. Против такого положения дел и направлены соответствующие поправки. Есть еще множество иных дополнений, касающихся различных областей, ставших актуальными в последнее время, в том числе — прав интеллектуальной собственности. Все это, на мой взгляд, обозначает существенный шаг вперед в совершенствовании гражданского законодательства и делает Кодекс более современным.

Но действительно: в ходе обсуждения Проекта возникли глубокие расхождения принципиального плана. Нам упорно стали навязывать отдельные институты иной системы права, а именно — англосаксонской системы. Я не хочу сказать, что эта система плохая. Она хорошая. Но она принципиально другая. Скажем, континентальные системы права (к которым относится и российская система) направлены скорее на предотвращение правонарушений. И отсюда — некоторые механизмы, которые как бы немного ограничивают свободы, но зато предупреждают возможные правонарушения. Английская система позволяет участникам отношений быть более свободными, меньше предупреждает правонарушения, но зато устанавливает за них очень жесткие санкции. И та, и другая системы права состоят из огромного множества действующих элементов, которые могут работать лишь вместе друг с другом. Поэтому механически вырывать эти элементы из одной системы и встраивать в другую, не меняя эту систему в целом — означает разрушать действующую систему права. Вот почему мы говорили, что, в принципе, конечно, нам можно перейти на англосаксонскую систему права, но для этого потребуются сотни лет. Нужно перестроить мозги, нужно изменить обучение, всю науку, судебную практику и многое другое. Все другое, вся система другая — ну, исторически так сложилось. Нельзя их смешивать, иначе мы все разрушим. Право ведь всегда

сфокусировано на определенности. А когда оно само в себе несет неопределенность, оно становится недееспособным. Так что цена вопроса в этих разногласиях очень велика, и мы, разумеется, защищаем наши традиционные подходы, которые складывались в нашей (как, впрочем, и во всех иных континентальных системах) правовой системе веками. В то же время, конечно, сейчас происходит постепенное сближение англосаксонской и континентальных правовых систем на основе их взаимного обогащения. То есть происходит восприятие каких-то дополнительных элементов и их подгонка к той или иной системе права. Этот процесс неизбежно идет сейчас в Европе, где в рамках ЕС произошло объединение экономик, регулируемых разными правовыми системами. В целом, это позитивный процесс, и мы тоже стараемся его использовать. Например, в Кодексе мы также вводили некоторые элементы, отчасти напоминающие положения англосаксонского права. Само по себе это нормально. Но мы не должны быть святее Римского Папы, и нам не надо обгонять это естественное сближение, которое происходит сейчас в ЕС. Так что в целом, если мы в работе над Кодексом где-то шли на подобные компромиссы, чтобы работа не заходила в тупик, эти компромиссы не касались основ нашего гражданского законодательства. Теперь этот компромиссный вариант поправок к Кодексу представлен в Государственную Думу. И, полагаю, его следует поддерживать. А насколько он хорош или плох, улучшит он или ухудшит регулирование, покажет практика. Она, в любом случае, неизбежно внесет свои коррективы в законодательство, немного его «отшлифует», как это происходит почти всегда.

— Вы часто говорили о том, что распространение идей медиации во многом зависит от судей. Но сейчас, когда социальная стабильность кажется в некоторой степени поколебленной, не получится ли так, что судьи начнут проявлять излишнюю осторожность по отношению к новому институту?

— Вы знаете, дело в том, что этот институт для нас совсем не новый. В сущности, это хорошо забытое старое. Мы используем иностранное слово «медиация», и оно создает впечатление новизны, но подчас не вполне правильно передает смысл и суть этой процедуры, и смысл самой фигуры медиатора, на котором здесь фокусируется внимание. Ведь, по существу, медиатор здесь не главный. Главными фигурами являются сами конфликтующие стороны, которые, так сказать, «набрались ума» и ведут переговоры между собой. Дураки ссорятся, а умные люди обсуждают свои разногласия. Они решили обсудить свой конфликт, чтобы устранить спор, который затрагивает их интересы (подчас жизненно важные интересы). Вместо того чтобы воевать, таскать друг друга по судам, добиваться победы, они пытаются урегулировать свой спор путем переговоров. Вот здесь и появляется фигура такого помощника, который может содействовать урегулированию спора, потому что он профессионал, он умеет налаживать переговоры и обладает опытом по урегулированию самых различных конфликтов. Он знает, на что опираться как помочь сторонам сблизить их интересы, обеспечить взаимодействие этих интересов.

Отношения, из которых возникают споры, могут быть весьма различны — но главное, что чаще всего это не одноразовые, случайные отношения между сторо-

нами, а долговременные или постоянные отношения, то есть отношения, с которыми люди живут. Например, семейные, трудовые, соседские и особенно коммерческие отношения. Продавец и покупатель, кредитор и должник, банк и его клиент и так далее, и так далее... В сущности, в подобных отношениях человек проводит всю свою жизнь, и чем меньше они омрачены конфликтами, тем лучше человек живет. И наоборот: чем больше конфликтов, тем человек несчастнее.

Но конфликты, тем не менее, неизбежны. И, следовательно, надо уметь не только их предотвращать, но и достойно выходить из конфликтных состояний. А лучшего способа, чем переговоры, для этого просто не существует. Судебное разрешение спора всегда уступает по своему качеству переговорам, потому что суд всегда выносит решение только в соответствии с законом и ни на что иное просто не может обращать внимание. А в процессе переговоров стороны руководствуются своими интересами и пытаются их сблизить, чтобы выйти из спора с наименьшими потерями. Вот почему такой способ урегулирования намного эффективней. Ведь суд разрешает спор, но конфликт может остаться и даже — в результате судебного решения — разгореться еще сильнее. А результативные переговоры устраняют сам конфликт. И, несомненно, для постоянных, устойчивых отношений это самое главное. Вот почему институт переговорных примирительных процедур (в том числе с участием специалиста) может играть колоссальную социальную роль, особенно для общества, которое находится в конфликтном состоянии. Ведь общество проходит через разные этапы существования. Иногда это этапы стабильности, когда люди многие годы, многие поколения живут так, как жили их предки. А иногда все вдруг резко меняется. Вот мы сейчас именно на таком этапе, когда все круто изменилось. Мы перешли от одного образа жизни к другому. И переходный период неизбежно насыщен конфликтами, потому что многие еще живут прежними представлениями, которые отстают от реальной жизни, а реальная жизнь спешит вперед, подгоняет их. Общество неизбежно становится более конфликтным, и на этом этапе самое главное — не потерять рассудок. Не спешить, остановиться, задуматься. И обратиться к мирным способам разрешения конфликтов.

Мне кажется, что для нашего общества в его нынешнем состоянии это действительно колоссальная социальная проблема. Вот почему я — как бывший судья, который посмотрелся различных споров, — сегодня всячески приветствую и пропагандирую внесудебные методы их разрешения. Порой это вызывает у других удивление. Мой старинный друг, ныне уже покойный Владимир Александрович Туманов, Председатель Конституционного Суда, спрашивал меня: «Ты же возглавлял такую хорошую судебную систему, систему арбитражных судов, которая так хорошо работает — зачем же ты занимаешься этой медиацией?» Он считал это каким-то недоразумением. А я считал — наоборот. Потому что в результате судебной работы увидел, как много конфликтов, и как трудно судам действовать в этих обстоятельствах. Они перегружены — и качество их работы резко снижается. Это вызывает недоверие к судам, и судьям становится еще тяжелее работать. А ведь это просто адская работа, ответственная и тяжелая! Если же общество не доверяет судам, такая работа вообще становится почти непосильной ношей.

Вот почему судьи должны быть заинтересованы в максимальном внедрении примирительных медиативных процедур, и всяческими (разумеется, законными) способами их продвигать и пропагандировать.

— То есть получается, что имидж судебной системы в глазах общества сегодня во многом зависит от того, насколько широко распространены внесудебные методы разрешения споров?

— Судебную систему и внесудебные процедуры (в том числе и медиацию) вообще не надо противопоставлять. Это не альтернативные, а взаимодополняющие методы разрешения споров. И суды действительно могут обрести доверие общества, но лишь тогда, когда они будут работать в нормальном режиме, вынося по каждому делу обоснованные, законные и качественные решения. Но для этого необходимо, чтобы количество дел и количество времени на их рассмотрение были соразмерны. Поэтому суды будут работать хорошо, если при них будет развита система примирительных процедур. Но и примирительные процедуры будут иметь успех лишь в том случае, если судьи поймут, что в этом — их спасение. Что это — помощь, а не конкуренция. И правда, из-за чего тут конкурировать? Из-за количества каторжной работы? Ее с лихвой хватит всем. Конфликтов в обществе во много раз больше, чем возможностей судебной системы по их разрешению. Так что здесь нечего делить. Здесь надо делиться.

— Недавно вы выступили за то, чтобы судьи, как и государственные чиновники (которых планируется в будущем к этому обязывать), декларировали свои расходы. Значит ли это, что вы сомневаетесь в безупречности судейского корпуса? Или речь идет о том, что репутация судьи в глазах общества должна быть идеальной?

— Да, я думаю, что судья в глазах общества должен быть безупречен. Я не говорю об идеале, но судья не должен вызывать подозрений и упреков. А для этого он обязан быть открытым. Вот его доходы, а вот его расходы. И когда общество увидит, что они соответствуют друг другу, доверие к судам резко возрастет. В этом я убежден.

— И все-таки каков сегодня, на ваш взгляд, образ судьи в глазах простых людей, которым приходится обращаться в суд? Другими словами, достаточно ли безупречна сегодня фигура судьи в глазах общества?

— Здесь есть один интересный момент, и это давно замечено социологами: если человек проходил через суд (по уголовному делу или по гражданскому), у него доверия к судам и судьям больше. А те, кто ни разу не судился, в большей мере не доверяют судьям. Почему? Потому что он судит об этом не по собственному опыту, а по тому, что говорится вокруг. Он в плену стереотипов. А эти стереотипы, к сожалению, сложились у нас не в пользу судов. Но я всегда говорю судьям, что обижаться на это не надо, и что есть только один способ повышения доверия к суду — качество нашей работы. Но повторяю: у тех, кто побывал в судах, это доверие возрастает.

И еще один очень важный момент: нужно, чтобы суды были открытыми. Ведь в Конституции РФ записано, что каждый гражданин имеет право участвовать в отправлении правосудия. И это не просто элемент демократии, но один из самых важных факторов доверия судам.

Когда у нас существовал институт народных заседателей, доверие к судам было гораздо выше, чем сейчас. И я считаю, что мы напрасно загубили этот институт. Вместе с ним мы загубили и доверие к судам. Это было очень важно, когда рядом с нашими судьями сидели простые люди (хотя за спиной их подчас оскорбительно называли «кивалами», подразумевая, что они лишь поддакивают судье, не принимая никакого участия в вынесении решения, поскольку не могут ни в чем разобрататься сами). Но вот, например, я 27 лет работал в Свердловском юридическом институте, был кандидатом, доктором наук, доцентом, профессором, — и все эти годы я был народным заседателем. Как вы думаете, я был «кивалой»? Полагаю, что нет. А таких «не-кивал» было среди народных заседателей достаточно много. И вообще, посудите сами: если бы, скажем, в процессе по семейным делам рядом с судьей сидел учитель, разве он был бы «кивалой»? Ведь он понимает, что такое семья, что такое дети! И, скажем, лично я, если бы мне пришлось как судье рассматривать дело в суде общей юрисдикции в отношении детей, то я точно был бы благодарен, если бы рядом со мной сидел учитель. Нам очень не хватает в суде таких помощников, которые знают жизнь, которые могут оценить поведение людей не только с формальной, правовой точки зрения...

Поэтому, если мы хотим увеличить доверие к суду, мы не должны ограничиваться одним только судом присяжных. И если бы удалось восстановить институт народных заседателей — доверие к судам, я уверен, резко бы возросло.

— Да, безусловно, в нашем недавнем прошлом, помимо негатива, можно найти немало ценных примеров, которые мы слепо отвергли. Но, к сожалению, об этом знают далеко не все люди, выросшие в новую эпоху... А как вы считаете, существует ли среди юристов понятие «поколений»? Например, есть ли отличие юристов новой волны, вступивших на профессиональное поприще в постсоветские времена, от их старших коллег?

— Ну, во-первых, юристы всегда были очень разными. Они были разными сами по себе: и до революции, и в советскую эпоху, и в нынешние времена. Ведь самое главное в юристе — личность. Главное — профессионализм и нравственность. Если эти качества сочетаются в человеке, тогда это настоящий юрист. А иначе — только диплом...

Впрочем, да... Некоторые различия между поколениями все-таки есть. Но в чем они? Дело в том, что до революции юридическое образование в России было относительно слабо распространено — но зато оно было очень высокого уровня. В советское время оно тоже, в общем-то, оставалось уделом немногих. Мало кто помнит, что в Советском Союзе — с его 300 миллионами населения — действовало всего 50 с небольшим юридических факультетов и институтов. Сейчас их — тысячи. То есть

количество стремительно увеличилось, но вот качество юридического образования... Оно столь же стремительно упало — что, в сущности, закономерно. Почему? Дело тут не только в знаниях, а в том, что раньше подготовка юриста покоилась на «двух китах»: знании права и воспитании. На формировании его правосознания. Выпускник должен был выйти из стен вуза юристом по духу — то есть человеком, готовым служить праву и закону. Беззаконие он не должен был принимать, он должен был с ним бороться. Иначе он не мог, не должен был становиться юристом — так же, например, как нельзя становиться священником, не веря в Бога. Иначе ты лжеюрист, лжесвященник...

К сожалению, сегодня лжеюристов гораздо больше, чем было раньше. Я бы не хотел обижать все нынешнее поколение, потому что я знаю сегодня множество великолепных молодых юристов. Однако, к сожалению, приходится признать, что плохих юристов нынче значительно больше, чем в минувшую эпоху...

— Сейчас Президентом дано поручение о рассмотрении введения медиации как обязательной процедуры. Как вы полагаете, это может дать новый импульс развитию медиации в нашей стране? И для каких категорий споров обязательная медиация была бы особенно полезна?

— Ну, вот, например, по бракоразводным делам (в давно укоренившейся традиции нашего судопроизводства), прежде чем начинать бракоразводный процесс, судья обязан предложить сторонам уладить дело миром. То есть, по существу, судья выступает в роли примирителя. Это очень правильно. И это вполне родственно обязательной медиации.

В связи с этим мне вспоминается один забавный случай. Это было бракоразводное дело, в котором я участвовал в качестве прокурора. Я спросил тогда у истца:

— Вы, кажется, уже не в первый раз подаете на развод?

— Да, — отвечал он. — Я уже второй раз инициирую расторжение брака, потому что в первый раз мне было отказано.

— А когда рассматривалось первое дело, у вас сколько было детей?

— Двое.

— А сейчас сколько?

— Сейчас трое.

— Как же так получается: вы стремитесь расторгнуть брак, а количество детей увеличивается?

— Ну, вы же отказали в расторжении брака!

После этого я дал заключение в качестве прокурора — и написал, что, пожалуй, надо отказать еще раз, для улучшения демографической обстановки в стране... А если серьезно, ссорятся все. Но это не повод рубить с плеча. Нормальная семья! Пусть она и дальше сохраняется. И во всех подобных случаях, по-моему, надо всегда пытаться сохранить семью. Так что здесь, безусловно, есть поле деятельности для обязательной медиации.

И еще одна область, где, на мой взгляд, необходимы обязательные процедуры (в том числе и медиация), — это налоговые споры. Ведь, в общем-то, это споры между государством и гражданином. А если государство является одной из сторон спора, значит, и оно тоже повинно в том, что этот спор возник. Повинно, скажем, в лице определенного чиновника или государственного органа. А раз ты этот спор породил, так постарайся сам его и урегулировать! Для этого нужна обязательная досудебная переговорная стадия. Налоговое ведомство (в лице соответствующего представителя) и налогоплательщик должны сесть за один стол и скрупулезно во всем разобраться. Что получится, если они внимательно выслушают доводы друг друга? Или налоговое ведомство поймет, что оно ошиблось и исправит свою ошибку, или гражданин увидит, что он заблуждался и, вместо того чтобы идти в суд, постарается уплатить налоги. Кроме того, у него возникнет доверие к налоговой службе, и, возможно, в дальнейшем он станет более обязательным налогоплательщиком. И такой подход должен стать правилом в работе налогового ведомства. Тогда у нас не будет такого огромного количества налоговых споров в судах. Да и бюджет будет лучше пополняться.

Кстати, именно таким путем сегодня идет вся Европа. Я изучал разрешение налоговых споров в Германии. во Франции... Так вот, в суд там попадает от 2 до 5 % споров, остальные «гасятся» на таких вот досудебных процедурах. Поэтому, на мой взгляд, подобные процедуры по налоговым спорам надо вводить у нас без всяких разговоров. Это могут быть как досудебные процедуры, так и переговорные процедуры в рамках судопроизводства. Но, так или иначе, эти процедуры здесь необходимы.

— Да. сейчас много инициатив о введении, в том числе и судебной медиации — в частности, в рамках деятельности арбитражного суда. И здесь многие предлагают проводить подобные примирительные процедуры с участием самих работников судов. Как вы относитесь к подобной инициативе?

— Я думаю, что переговорные процедуры в судах должны обязательно налаживаться. Но тут у меня более широкий подход. С участием медиатора они проходят или нет, дело, по-моему, не в этом. Я исхожу из того, что суд обязан вынести обоснованное решение. То есть все обстоятельства дела должны быть тщательно исследованы, а доказательства собраны и оценены. И при этом должны быть соблюдена законность. Так вот, для того, чтобы решение было обоснованным и законным, необходимо, чтобы стороны под контролем суда полностью «вывернули карманы». Представили все доказательства, документы, свидетельства, все юридические документы... И тогда наступает самый важный момент. Вот, например, английский суд, который славится своей «состязательностью», и где стороны буквально все выкладывают на стол, — что происходит там? После того как стороны представили все свои аргументы, скажем, в Королевском коммерческом суде, до судебного решения доходит лишь 25 % дел. 75 % дел просто улечивается! Почему? Да потому что, например, истец видит отсутствие шансов на успех и отзавает исковое заявление. Или ответчик видит, что у него нет козурей и добровольно исполняет условия истца. И,

наконец, третий (и весьма распространенный) вариант: обе стороны видят, в чем они правы, а в чем не правы, и заключают мировое соглашение.

Так вот, на мой взгляд, наше судопроизводство должно носить такой характер. То есть, по существу, сама подготовка дела должна выражаться в переговорно-примирительных процедурах. А если стороны сами сделать это не в состоянии, пусть они используют помощь. Чью? Они могут попросить назначить им примирителя. Если же они захотят, чтобы эту роль исполнял сам суд, то, на мой взгляд, закон должен позволять и такой вариант.

Но еще лучше, если в этой роли будут выступать судьи в отставке. Именно они, на мой взгляд, являются очень перспективными медиаторами, и это подтверждается опытом многих стран.

— А планируется ли внести в Закон о статусе судей поправку, которая бы позволяла судьям в отставке выступать в качестве медиаторов? Ведь сейчас подобного не предусмотрено...

— Да, такая поправка сейчас планируется. И я полагаю, что ее надо обязательно поддержать.

— Некоторые судьи, заинтересованные в развитии медиации в нашей стране, тем не менее, не до конца уверены в том, что этот метод может работать «в тандеме» с судебной системой. В частности, они спрашивают, не возникает ли противоречия между конфиденциальностью процедуры медиации и утверждением судом мирового соглашения, достигнутого в ходе этой процедуры, которое зачитывается, публикуется и вообще подлежит огласке?

— Я не вижу в этом никакого противоречия. Да, переговорно-примирительные процедуры с участием медиатора — это конфиденциальные процедуры, в ходе которых стороны могут и должны быть предельно откровенны друг с другом. Только в таких условиях они могут урегулировать конфликт. Но если этот процесс закончился неудачно, никакие факты и обстоятельства, которые рассматривались во время медиации, не должны становиться достоянием гласности и тем более использоваться позднее в суде. Но если стороны заключили соглашение, это уже гражданско-правовой договор. Это их волеизъявление. Зачем им тут прятаться? Они ведь сами распорядились своими правами и интересами. Если они хотят, чтобы это соглашение имело силу судебного решения, они могут попросить суд его утвердить. Тогда этот документ приобретает публично-правовой характер. И ничего конфиденциального здесь уже по определению быть не может. Так что никаких противоречий тут нет — просто на разных стадиях процедуры медиации, и в зависимости от ее результата, эти вопросы решаются по-разному.

— Какую роль в становлении медиации в России играет Национальная организация медиаторов, учрежденная при вашем активном участии в минувшем году? На что должна быть направлена деятельность этой организации сегодня и в перспективе?

— Мне кажется, что Национальная организация медиаторов — это абсолютно необходимая структура, потому что вся работа по внедрению медиативных примирительных процедур в нашей стране не должна быть пущена на самотек.

Иначе здесь обязательно появятся нечистые на руку люди. Этого нельзя допустить. Поэтому все, кто занимается примирительными процедурами, должны объединяться в соответствующую структуру, и эти общественные объединения должны выполнять определенные функции. Они должны пропагандировать и разъяснять суть примирительных процедур, следить за их качеством и контролировать соответствие работы медиаторов этическим нормам и принципам. Кроме того, они должны оказывать помощь в подготовке медиаторов. На мой взгляд, было бы хорошо, если бы при этой организации был создан своего рода «клуб медиаторов», где бы они могли обмениваться опытом, потому что уже есть медиаторы высокого класса, и недопустимо, чтобы их опыт пропадал даром. Эти медиаторы должны быть известны всем, о них надо говорить и создавать все условия, чтобы молодые и начинающие медиаторы могли бы у них учиться. Таким образом эта организация быстро завоеует авторитет, и медиаторы будут стремиться вступить в нее...

Ну а пока Национальная организация медиаторов только начинает свою деятельность, только «расправляет плечи». Ей еще предстоит развернуть свою работу в масштабах всей страны через различные структуры — в том числе используя огромный потенциал структур, заинтересованных в ее становлении: Ассоциации юристов России, РСПП, Торгово-промышленной палаты России и, конечно же, Научно-методического центра медиации и права. Наряду со столь сильными учредителями Национальную организацию медиаторов поддерживают и другие общественные организации, и государство. Я уверен, что при поддержке таких учредителей и сторонников этой новой структуре удастся сделать очень многое.

— Да, у медиации сегодня много сторонников, в том числе в высших эшелонах власти. Но не может ли случиться так, что медиация, «продвигаемая» со стороны государства, встретит неприятие в обществе? Не вызовет ли это отторжение, не будет ли она восприниматься как некое новшество, которое навязывают насильно?

— Опыт западных стран показывает, что для того, чтобы примирительные процедуры заняли свое место в системе урегулирования споров и широко использовались в обществе, требуется участие государства. Впрочем, как я уже говорил, и у нас в России, на самом деле, существует огромный опыт использования примирительных процедур, и они для нас — совсем не новшество, которое только недавно пришло с Запада. Это вполне традиционные для нашего общества институты.

Например, до революции подобные процедуры использовались очень широко. Все знают, что тогда существовали мировые судьи. Но почему они назывались мировыми? Именно потому, что они мирили спорщиков, то есть широко использовали примирительные процедуры. Причем в большинстве случаев эти судьи не были профессиональными юристами, в такие судьи избирали наиболее честных,

авторитетных, порядочных людей всех профессий и сословий, которые бы могли рассудить спорщиков, то есть помочь им провести переговоры. Я считаю, что такую практику деятельности мировых судов нам обязательно нужно восстановить. Но надо сказать, что и в коммерческих судах дореволюционной России примирительные процедуры тоже использовались очень широко. И не менее широко подобные процедуры использовались в советское время, в государственном арбитраже. Даже так: по коммерческому спору нельзя было обратиться в арбитраж без соблюдения претензионного порядка. А что это значит? Сторона была обязана направить мотивированную и проработанную претензию другой стороне, и та в установленные сроки была обязана на эту претензию ответить. То есть инициировался переговорный процесс. И если дело после этого все-таки попадало в суд, оно уже было достаточно проработанным, проясненным. Так что опыт у нас здесь колоссальный. Более того: в нашей стране использовались и такие своеобразные формы примирительных процедур, как товарищеские суды, о которых я уже говорил, как суды чести среди военных и многое другое. И весь наш опыт свидетельствует о том, что государство может и должно активно участвовать во внедрении примирительных процедур.

Это, кстати, происходит во многих европейских странах, где внедрению медиации содействуют министерства юстиции. Там даже выделяются немалые деньги из бюджета на подготовку медиаторов, на пропаганду и разъяснение сути этих процедур.

А вообще, для того чтобы медиация в России заняла свое место и была востребована, нужно соблюдение трех условий. Первое — готовность самих сторон к проведению переговоров. Второе — наличие честных, квалифицированных и авторитетных медиаторов. И третье — несомненно — поддержка государства. То есть признание государством этого института и создание системы его поддержки и развития. Это, подчеркиваю, одно из необходимых условий становления медиации в нашей стране, и бояться этого не стоит.

Но, конечно, немаловажно тут и подключение к этому процессу средств массовой информации. Ведь СМИ могут любое дело как загубить, так и продвинуть вперед. Весь вопрос в том, насколько они готовы пропагандировать идеи медиации, и насколько профессионально они могут это делать. Ведь потребность, чтобы в нашем высококонфликтном обществе утверждались идеи бесконфликтного, мирного разрешения споров — огромна. И если СМИ станут этим заниматься, они, безусловно, будут выполнять чрезвычайно важную социальную миссию. Например, правовой канал «Закон-ТВ», на мой взгляд, должен постоянно пропагандировать идеи примирительных процедур.

Однако, к сожалению, современное телевидение отучает нас от искусства диалога. Например, у нас сейчас существует множество дискуссионных телепередач, но ведь как они проводятся? Например, такая известная передача, хорошая передача «Пусть говорят» по стилю такова, что ее вернее было бы назвать «Пусть кричат». Там разговоров мало, а крику много. А нужна была бы передача, которую можно было бы назвать «Пусть говорят и слушают». Нам нужны передачи, которые бы воспитывали культуру диалога...

— Да, к сожалению, современная российская журналистика предпочитает раздувать споры и конфликты, любоваться ими, а не пропагандировать ценности примирения. Предпочитает ниспровергать авторитеты, а не демонстрировать положительные примеры. В такой атмосфере, кажется, подрывается доверие всех ко всем. Как же нам сегодня найти таких кандидатов в медиаторы, чей авторитет не будет вызывать у спорщиков никаких вопросов?

— Это постоянный процесс. И такое доверие может быть завоевано шаг за шагом. Но для этого нужно эти шаги делать. Во-первых, нам нужно внедрить начала примирительных процедур в деятельность мировых судей. Чтобы они в первую очередь выступали перед спорщиками как примирители. Во-вторых, по некоторым категориям дел (например, по семейным спорам, по бракоразводным делам) необходимо ввести обязательную медиацию. Как я уже говорил, прекрасные кандидаты в медиаторы — судьи в отставке. Разумеется, не все. Люди, которые любят власть, любят выносить решения, для этого, конечно, не подходят. Но судья в отставке, который умеет и любит находить выходы из конфликтов, сближать интересы сторон, он со своим огромным опытом, пожалуй, является почти идеальным медиатором. Я думаю, что прекрасными медиаторами могут быть профессора права, преподаватели юридических вузов, поскольку они обладают необходимыми правовыми знаниями. Но есть и люди, которые обладают знаниями в области психологии разрешения конфликтов, и это тоже бесценные специалисты, которых обязательно надо привлекать к работе медиатора. Наконец, есть деятели культуры, литераторы, наша интеллектуальная и духовная элита. Например, такой замечательный писатель как Валентин Распутин, я полагаю, мог бы, если бы его попросили, и он бы сам захотел, стать прекрасным медиатором при разрешении какого-нибудь глубокого социального конфликта. Уверяю вас, что его авторитет, порядочность и его глубокое понимание жизни принесли бы здесь удивительные результаты. А ведь у нас совсем немало таких людей. Только вот их почему-то даже на телевидение практически не пускают, разве что по случаю какого-нибудь юбилея... А ведь они — колоссальная ценность нашего общества, его моральные авторитеты. И вот их было бы хорошо вовлечь в деятельность по становлению института медиации.

— А как, на ваш взгляд, могла бы медиация сегодня способствовать возникновению согласия в нашем обществе? То есть могла бы она в какой-то мере играть воспитательную роль?

— Да, но для этого нам надо в целом воспитывать культуру дискуссии, о чем мы только что говорили. Особенно — в средствах массовой информации. И, во-вторых, на мой взгляд, надо широко использовать медиацию при разрешении крупных социальных конфликтов, например, коллективных трудовых споров. К сожалению, закон о медиации сегодня позволяет использовать эту процедуру только при разрешении индивидуальных споров — и, как мне кажется, это глубоко неверно. Тем более что для коллективных трудовых споров медиация была бы очень эф-

фективным инструментом. Или, например, в области торговли, при спорах между продавцами и покупателями, особенно, если речь идет о конфликтах с крупными торговыми сетями (а таких конфликтов сегодня очень много) — медиация могла бы стать великолепным инструментом разрешения споров, приучающим людей к диалогу и формирующим культуру отношений. Чтобы, скажем, эти торговые сети не вводили людей в заблуждение ложной рекламой, чтобы они уважали своих клиентов. Благодаря всему этому медиация, безусловно, становится мощным социальным инструментом.

— А с другой стороны, используя медиацию при разрешении резонансных конфликтов, мы можем еще больше рекламировать в обществе этот институт.

— Да, совершенно верно. Таким образом мы демонстрируем ее ценность и ее эффективность.

— И все-таки как вы оцениваете процесс становления медиации в нашей стране сегодня, на нынешнем этапе? Достаточно ли успешно он идет? Или на этом пути еще много препятствий?

— Препятствий, конечно, еще много, и главное препятствие — это конфликтность нашего общества, о чем мы уже упоминали. Но, кажется, для всех уже очевидно, что этот уровень конфликтности нужно снижать.

А для этого требуются усилия как государственных структур, так и авторитетных институтов гражданского общества. И наконец, то, о чем я уже не раз говорил, — это роль судов в становлении института медиации. Именно суды должны служить той площадкой, той точкой, от которой, как круги по воде, разбегаются волны интереса к переговорным процедурам урегулирования споров и медиации. Суд, по существу, должен быть школой примирительных процедур, и всячески поддерживать их внедрение.

Надо сказать, что арбитражные суды сегодня занимаются этим делом больше, чем суды общей юрисдикции. Но в последнее время, впрочем, и суды общей юрисдикции (например, Верховный Суд) проявляют все больший интерес к медиации. Это, конечно, очень хорошо. А там, где внедрением медиации занимаются более целенаправленно, количество примирительных процедур растет очень быстро.

Например, в свое время на Урале Латышев, полномочный представитель Президента, организовал внедрение альтернативных методов разрешения споров при судах. И дело пошло. Сегодня арбитражные суды Уральского округа заметно опережают все суды нашей страны по использованию примирительных процедур. Если бы сегодня у нас все суды работали хотя бы на таком уровне, сдвиг в пользу внедрения медиации был бы уже очень заметным. И подобные примеры нам также надо всячески пропагандировать.

— Вениамин Федорович, спасибо вам большое за столь подробное и интересное интервью. И напоследок: что бы вы хотели сказать о нашем журнале, какие пожелания у вас есть, каким бы вы хотели его видеть?

— Я должен сказать, что «Медиация и право» — один из тех журналов, ценность которых я очень ясно ощущаю. Я очень рад, что такой журнал появился и успешно существует уже много лет. Мне нравится и то, как он оформлен, и в первую очередь то, какие материалы он публикует.

В нем очень много ценного, интересного, полезного. Каждый раз, когда я выступаю на темы медиации и примирительных процедур, я рассказываю о вашем журнале. Это очень хороший журнал, и его надо рекламировать так же, как и идеи медиации.

Так что желаю вам расширения аудитории, больше внимательных и заинтересованных читателей.